

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНОВ



ТАЛАНИХА

РАССКАЗ

В. И. Белову

Первой почувяла неладное Катерина Глебовская. Она пила чай вприхлёбку из блюбочка и заметила из кухни, как её же загородой, которую она с утра окашивала, пробрался какой-то недеревенский толстый мужик и пропал с глаз долой. Катерина с оханьем поднялась, чтобы из передней поглядеть, — куда это молодец посвистал, а он уж тут как тут — в дверь, не торкнувшись, вошёл. Стоит, только что притолоку головой не подпирает: набычился, борода лопатой, у самого носа два круглых бойких глаза, в майке и трусах до колен цветных, ноги будто тумбы, все волосатые и вдобавок в тапочках кожаных без носков.

— Чего тебе, милоч? — немного оробев, спросила Катерина. Согнутая, в линиялом ситцевом платье, она была этому гостю еле не по пояс. — Воды надо или избой обознался?

— Да мы, бабка, реставраторы, — неожиданно тонким голосом ответил парень, а сам по стенкам нет-нет и зыркнет, даже в большую комнату хотел без спроса двинуться, но на дороге была Катерина и не думала отступать.

— Реставраторы мы, — снова повторил он. — Иконы ходим реставрируем, лучше делаем, — выпевал гость. — А то и купить можем. Денег-то надо, бабушка?

---

*ЦЫГАНОВ Александр Александрович родился в 1955 году в деревне Блиново, недалеко от Феропонтова, где, по словам Н. М. Рубцова, "что-то Божье в земной красоте". Окончил Вологодский педагогический институт по специальности «учитель русского языка и литературы». Около десяти лет работал в колонии усиленного режима в должности начальника отряда. Автор нескольких книг прозы. Лауреат литературной премии МВД СССР, Государственной премии Вологодской области по литературе за 2004 год. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Вологде.*

— А кому они не нужны, — смиренно ответила Катерина. — Да только продавать-то у нас нечего. А если воды не надо, так иди, батюшко, куда шёл: мне сено грести пора. Иди с Богом.

— Ну, смотри. — Парень шумно вздохнул и отправился восвояси: в коридоре, слышно было, приложился головой о дверной верхник и крепко выругался, после скоренько слетел вниз.

А Катерина не на шутку встревожилась. В прошлом году, зимой, тоже шастали в этих краях какие-то гости. Пошныряли они по деревне, а потом в избе у Миши Демушки пропали иконы, а ещё не стало медного самовара вместе с домоткаными половиками. Самих-то хозяев давно уже не было на белом свете, только летом из города детки сюда наезжали.

А теперь, куда с добром, с утра пораньше ходят — говорят, сделают так, что иконы станут лучше, чем были. Катерина, ойкая, не пошла огребать сено, как задумала, а напрямик, на всякий случай затворив дверь палкой, наладилась к Анюте Мишкиной.

Солнышко жарило во всю ивановскую, в воздухе гудело зноем, а толстая бархатная пыль желтым покрывалом лежала на земле, и даже у куриц не хватало сил в неё зарыться и отдохнуть. Катерина, проворно надвинув на глаза платок, выбежала из своего заулка, вгустую затянутого иван-чаем, и по дороге увидела товарку, которая с коромыслом и ведрами направлялась к колодцу. Она пересказала Анюте Мишкиной всё, что знала, а в горячке даже и от себя лично кое-что добавила. Анюта, еще бедовая, крепкая и сухожильная, но робкая отроду, захваталась за голову уже на середине рассказа и надумала идти обратно, но скоро вернулась. Тем временем из-за дома, где этим летом жил Витька-офицер, показалась ещё одна деревенская старуха, Лидия Аропланиха, ходкая, скорая на ногу. Следом катил велосипед десятилетний, в конопушках, внучонок Сашка, гостивший у бабки все каникулы.

Оказалось, что и у Лидии Аропланихи были незваные гости, также уговаривали показать иконы. С толстым круглоглазым парнем был, тоже в трусах и майке, ещё один здоровый мужик.

— А я ихнюю машину видел, — вдруг выпалил десятилетний Сашка. — Она у скотного двора стояла.

Старухи вперегонки кинулись к парню за разъяснениями. Но толку особого не добились: тот лишь добавил, что видел собственными глазами, как эта “десятка” уехала обратно.

— Вот что, бабы, — решила тогда Лидия Аропланиха, — как ведь, дьяволы, уехали, так и вернутся. Это они узнавали все. Про нас-то. Есть ли что в домах. Да кто живёт. Мало им, бесам, зимусь всё у людей понытаскивали, теперь и при ясном дне уже папоротки распускают. Не к добру это, ой, не к добру. Вот что, Сашка, — она дёрнула внука за ухо. — Садись-ко на лисапед свой да едь до центральной-то усадьбы и милиционерам позвони. Все обскажи. Гляди, не забудь у меня чего.

— Ладно, — буркнул внук и, забравшись на велосипед, понёсся с горушки на большую дорогу. Задание ему понравилось, и он даже ненароком едва не задел валявшийся ещё с незапамятных времён возле обочины указатель с названием деревни. Выворачивая на дорогу, Сашка несколько раз вильнул рулём, затем с новыми силами, отдуваясь и переваливаясь на раме, закрутил педалями в сторону центральной усадьбы.

А старухи всем скопом направились в избу к Катерине Глебовской. Лидия Аропланиха по дороге заскочила к единственному деревенскому мужику Ване Лейте, прозванному так ещё молодым парнем: до того, было, допёрётся — шевелиться уж нет сил, а всё равно ещё охота, вот и кричит: “Лейте, лейте”. Прозвище так и осталось, хотя Ваня давно уже был Иваном Ивановичем, и теперь, не обращая особого внимания на собственный возраст, каждый сезон поддежуривал на ферме, а в остальное время помогал своим старухам по хозяйству. Вскоре все сидели у Катерины на кухне, чаёвничали. Ваня, высокий синеглазый старик с лысой головой, выглядел недовольным, привыкнув в жару часик-другой вздремнуть, но он же и подсказал, как надо делать дело.

— Оне, верно, опять придут. Не сегодня, дак завтра. Не сойти с этого места. Милиция милицией, а надо, бабы, всем вместе держаться, кучей.

Пять домов в деревне, а раз в месяц друг с дружкой поздравляемся. А на милицию жданки малы. Да вон бы ещё Витьку-офицера на подмогу-то кликнуть. Он парень провористый.

Все стали вспоминать про Витьку-офицера. Впервые тот появился в деревне с год назад, но до сих пор о нём ничего не знали. Из дома почти не выходил. Поговаривали: пил много, вот и на улицу не показывался. Правда, раз кто-то видел его на огороде, беловолосого, худого, без майки и испугался: у Витьки всё тело, вся животина была как будто проехана бороной. Тогда и решили, что вернулся парень с недавней войны. Тем более что ходил Витька-офицер в военных штанах и высоких зашнурованных ботинках, даже в жару. С деревенскими всегда поздравается, но к разговорам не приставал. Поэтому его немного и опасались. Но сейчас дело такое, что без него, может, и не обойтись. Сход направил к Витьке-офицеру самого Ваню: как-никак тоже мужик, поладят.

Оставшись в одиночестве, старухи опять поставили самовар. На кухне было тихо и прохладно, в самой избе свободно гудели вечерние мухи, похозяйски летая из комнаты в комнату, а в переднем углу бормотало радио.

Все к этому времени успели прийти в себя. Во-первых, прибывший внук Лидии Аропланихи Сашка доложил, что в милицию он позвонил, и там, как пообещают, обещали выслать наряд для проверки. Порадовал и Ваня: Витька-офицер согласился заглянуть на огонёк.

Потихоньку всё кругом успокаивалось, в воздухе заметно посвежело и запахло вечерней росой, в деревенском озёрке то и дело слышались заманчивые всплески играющей рыбы, а сразу за домами, возле близкого леса, розовело и меркло небо, медленно угасая; откуда-то со стороны центральной усадьбы изредка доносились, как будто били по наковальне, ржавые монотонные звуки.

Деревенские уже справились с задуманным как следует. Сначала долго спорили, где положить вилы, тяпки и грабли, чтобы в нужное время всё оказалось под рукой, а Ваня, выворотив из огорода, притащил большой осиновый кол. Решили, что в избе весь инвентарь оставлять нельзя, ежели дойдёт до дела, поэтому склади прямо возле крыльца Катериного дома. Ждать незваных гостей и можно было именно с этой стороны: видно как на ладошке. И мимо уж не проскочат, если на самом деле кому-то взбредет в голову ехать сюда.

Старухи дули уже не первый самовар, а у крыльца на низкой лавке, заросшей пыльным подорожником, сидели и курили Витька-офицер с дедком Ваней. Витька сначала зашёл в избу и, как деревенский, запросто поздоровался со всеми, а потом мужики ушли смолить. Со старухами остался лишь внук Лидии Сашка и от безделья играл с кошкой: дразнил её, поддёргивая верёвочку с привязанным на конце цветным фантиком, но кошка не поддавалась на обман, а только лениво жмурилась, хитро поглядывая на горюжанина.

Сашке надоело баловаться в избе, и он выбежал на волю, но скоро заскочил обратно, крикнув, что в деревню едет машина.

Старухи обмерли. Смирная Анюта Мишкина, как от тычка, даже с хлопаньем еле не ткнулась в блюдечко с горячим чаем, захваталась за клеёнку на столешнице.

— Едут, едут, — неизвестно чему ликуя, подпрыгивал Сашка. — Машина, что и утром была. Вон она, вон она!

У Лидии Аропланихи хватило ещё соображения глянуть из окна — не ушли ли куда мужики по надобности? Но Витька-офицер уже встал и неторопливо, будто спросонья, потягивался, а Ваня, приставив ладошку к глазам, вглядывался на приближающуюся в легкой вечерней пыли машину.

— Господи, благослови! — Торопливо перекрестившись на золотящуюся в кухонном углу темную икону, Катерина оглянулась на товарок, и старухи, одна за другой, тихонько пошли на выход.

Они осторожно спустились с высокого крылечка и сели на лавку у дома: чему не хотелось верить — случилось и происходило ровно в забыты или тяжёлом сне. Бабы смирно сидели, сложив на передниках раздавленные рабочей руки и глядя перед собой.

Машина, тёмно-синяя, сверкающая, плавно покачиваясь, точно лодка на волнах, остановилась как раз напротив Катериного дома, бесшумно распахнулась дверца с темным стеклом, а из неё на землю крепко ступила толстая нога в тапке. Вышел и сам парень, утрешний, с узко поставленными бойкими глазами, борода лопатой.

— Ещё раз, — весело крикнул бородатый, — всем привет!

— Доброго здоровьяца, — по-хорошему откликнулся дедко Иван.

Следом за первой дверцей пооткрывались и остальные. На улице оказались четыре человека, все молодые мужики, одетые под стать бородатому. И тут из кабины неожиданно появился ещё один человек, не таковский, как остальные гости: он был в белоснежном дорогом костюме, рубашке с цветным галстуком и в узеньких очках, за которыми не видно глаз, а широкие скулы, недобро выделяясь, охватывала злая, в завитушках, щетина недельной непробритости.

— Что, бабы, — по-прежнему весело прокричал бородатый, — как с иконами-то? Мы ведь помочь хотим. — На деревенских мужиков он смотрел как на пустое место. — Зря отказываетесь. У вас икон много, солить их, что ли? А мы денег дадим ещё больше. Хоть завались!

Старухи переглянулись меж собой. Но тут Лидия Сашка подбежал было к машине, и Аропланиха, заводив своим длинным белым носом, зашипела и погрозила парню кривым согнутым пальцем.

Бородач, восприняв эти действия как угрозу, заметно не похорошел:

— Бабки, — пожимал он литым кулаком. — Реставратор шутить не любит!

И глазами на этого в очках опасно показал, а после запустил свою лапу в бороду: мошкара, вися столбом, липла и не давала покоя. И поскрёб всего ничего под волосатым горлом, а борода возьми да и отпади — липовая оказалась!

— Господи! — едва не в голос всполошились старухи.

— А ведь нарушат нас, — поднимаясь, вдруг заголосила обо всём дождавшаяся Лидия Аропланиха. — В нашей-то деревне. За тем и приехали!

Но раньше всех лишь двое знали — только два человека по-настоящему понимали, чем может всё закончиться, если один другого не опередит: Витька-офицер и чёрный молчун в очках, на которого показывал бывший бородач.

Молчаливый уже сунул руку во внутренний карман пиджака, но Витька, опередив, ткнул пальцем куда-то за его плечо и крикнул:

— Этот с тобой?

Молчаливый маленько повёл головой, но Витьке-офицеру хватило и этого: вдруг выбросив перед собой руки и подтянув ногу, он в то же мгновение неуловимо её выпрямил, — неведомая сила хрястнула молчаливого о машину, даже очки слетели.

Старухи на лавке заголосили, как будто на них клином сошёл свет, а Ваня Лейте, сграбастав кол и размахнувшись им, молчком пошёл на стоящих у машины.

То, что начинало происходить, видно, никак пока не укладывалось в буйные головушки приезжих, многое уже, наверное, повидавших в свои ещё молодые годы. Они еле-еле успели поставить своего молчуна на ноги, а уж с лавки, поднявшись в полный рост, надвигались на них вооружённые граблями, тьяками и вилами простоволосые деревенские старухи — уже очнувшиеся, без слов и спокойно, решительно готовые, если не дай Бог доведётся, стоять и на смерть, до конца.

Приезжие, неуверенно подхохатывая, запереглядывались, растерялись. Они и правда не знали, что сейчас делать. Липовый бородач первый, кашлянув, отодвинулся. За это время никто не сказал ни слова — ни с той, ни с другой стороны.

— А-а-а, — внезапно завопила Катерина Глебовская и бросилась с вилами наперевес прямо в медленно отходящую кучу чужих гостей. И тыкала вилами-то, и тыкала, глядя широко открытыми, ничего не выражающими глазами, — и всё кричала, как будто уже предсмертно, как это делают лишь женщины в нестерпимую, жуткую минуту.

Тут уж приедем на самом деле стало нехорошо. А Ваня Лейте, размахнувшись колом как его душевненько угодно, наконец-то изловчился приложиться со всего размаха, но промахнулся: кол плашмя попал в землю, а сам Ваня, не удержавшись, сунулся следом. Но сразу оказался на ногах и, согнувшись, бросился вперед.

Кажется, ничего уже не понимающие парни, развернувшись, боком, медленно потянулись к леску; сначала как бы играючи, нехотя, но страх, бодро настраивая на здравые размышления, ускорил их бег, направляя к близкому спасительному леску. Молчаливый реставратор, на ходу, опять попытался что-то выдернуть из внутреннего кармана, но Витька-офицер, бежавший легко и пружинисто, не подкачал и здесь: подпрыгнув, он достал ногой хребтину “реставратора”, и тот, кувыркнувшись, вновь оказался на своих двоих и припустил так, что обогнал подчинённых.

— А-а-а! — неотступно выла Катерина Глебовская, стремящаяся вперед с вилами на изготовку.

Не отставали от нее и Лидия с Анютой. Рядом, припадая на ногу, верным оруженосцем продвигался дедко Ваня, а кол он теперь держал, как винтовку, наперевес.

“Реставраторы” толпой, как бы в шутку, добежали до опушки леса, а дальше, негромко матерясь, ринулись от греха подальше в самую чащобу, попав в непроходимый бурелом, над которым грозной тучей вяло колыхались полчища гнуса, в мгновение ока поглотившие беглецов.

Догоняющие остановились. Оказалось, что кроме Витьки-офицера, все подчистую выбились из сил. Анюта Мишкина, которой вовсе было невпродых, только махала рукой, выговаривая: “Ой, Господи-батюшко, ой, спаси-сохрани”. Дед Иван, опершись на свой кол, безразлично, с полураскрытыми глазами поглядывал в сторону леска, а Лидия Аропланиха отваживалась с Катериной Глебовской: что-то ей шептала, заодно потихоньку вытаскивая вилы, которые подружка продолжала держать намертво. Только Витька-офицер, сплунув под ноги, растёр это место крепким военным ботинком, а после деловито отошёл туда, где подшиб главаря, как раз возле пруда, вгладкую покрытого пленчатой зелёной тиной. Попинывая кочки, он внимательно исследовал место вокруг сражения. Затем, наклонившись, поднял что-то сталисто блестящее и, с легким прищуром повертев в руках, бросил находку в пруд, лишь сбulyкало.

Охая и причитая, ополченцы, сопровождаемые Ваней, возвращались в деревню.

— Пойдем, Витя-батюшко, хоть чаю поставим, — слабым голосом позвала по дороге Катерина Глебовская, и все повеселели: слава Богу, наконец-то заговорила баба, как все добрые люди. Возле машины приезжих столбиком стоял конопатый Лидии Сашка и, отворив рот, изумлённо смотрел на деревенских. Казалось, он на время лишился дара речи при виде того, что произошло на его глазах.

И Витька-офицер необходимо и легонько возьми да подщёлкни Сашке под подбородком — как это у него ладно вышло?

Дедко Ваня снова сложил весь сельхозинвентарь возле крыльца, и все поднялись в избу. Решено было ночью на всякий случай не спать — дежурить, сюда в любое время могли вернуться из леса любители старины.

Ночь, белея ромашками, стояла тихая и теплая, сизый туманный свет бережно окутывал деревню, и она точно парила, недосыгаемая, в воздухе, а тишина была такая, что слышалось, как плескалась вода в самой низине деревни в маленьком, блюдечком, озерке, которое можно за несколько минут свободно переплыть туда и обратно.

Катерина Глебовская включила свет и достала из кухонного, засиженного мухами шкапа зелёную бутылку и молодцевато, экое диво, со стуком водворила посреди стола:

— Ну-ко, Ваня, распечатывай давай: за тобой в этом деле ровни не водилось!

Но тот взял и всех удивил: от дармовой водки заотказывался: “Не, бабы, седни не в то горло полезет”. — Да и верно не стал прикладываться.

А Витька-офицер даже чаю не захотел: чтобы за дорогой пригляд был, к окошку в переднюю комнату собрался. Лидия-то Аропланиха, до чего у бабы язык долгий, возьми тут и скажи Катерине:

— Откуда у тебя и взялось, девка: гли-ко, чуть ведь городских гуляк совсем не нарушила. Мы и то перепугались.

Катерина Глебовская помолчала, а потом и говорит тихонько:

— А я ведь, бабы, взаправду думала, что Якова-то своего спасу, успею.

— Ково? — прихлопнула себе ладошкой лицо Анюта Мишкина. — Господь с тобой, матушка, ведь твой-то хозяин ещё в курском огне сторел, что ты!

— А вот верьте-нет, бабы, — Катерина, низко повязав, поправила ситцевый, в красную горошину платок, потом виновато улыбнулась всем своим маленьким коричневым личиком. — Будто сама война и приблазнила вьяви, и мой Яков, покойная головушка, там один-одиношенек, а его какие-то незнакомые, все страшные такие, окружают да окружают. Ведь из памяти меня вышибло, в глазах стемнело, уж не держите обиды-то, сама не рада...

У подружек и отлегло на душе. Лишь Лидия Аропланиха не удержалась, подтвердила со вздохом:

— А война — что как не война идёт: горит всё кругом синим огошком, это Господь за грехи наши горемычные наказывает.

Витька-офицер, опустив голову, скоро вышел в переднюю комнату и сел к окну. Никому не ведомо, какие он думы думал этой бессонной летней ночью под законный стрекот кузнечиков и тихий шёпот зелёной травы. Только под его острым кадыком порой сухо щёлкало, да какая-то нетерпимая, идущая изнутри немочь сводила иногда шею, и она мелко, напряжённо и долго тряслась, туманя глаза и уводя от слуха затихающие разговоры стариков, дружно укладывающихся на ночевку прямо на большой Катериной кухне. Ещё его выводила из себя капающая из самоварного крана вода, вбивая в голову раскалённый невидимый гвоздь...

Наверное, и домучили Витьку-офицера эти каленые боли — подзабылся он то ли долгим, то ли коротким сном, но очнулся вдруг: где-то за околицей буркнула машина. Витька лихорадочно потряс головой и, морщась, глянул на свои наручные со светящимся циферблатом: бог мой, утро! А за окошко-то, наклонившись, сунулся: нет машины городской, как приснилась. Он мгновенно, по-кошачьи вспрыгнул на ноги, на цыпочках вынесся из избы, мельком глянув на кухню: там вповалку приткнулись на широких лавках те, кто ещё накануне едва не лишился последних годков жизни и спавшие теперь без задних ног, а десятилетний Сашка посвистывал носом на русской печке, подложив под голову кулачок.

Витька-офицер, пригнувшись, неслышно обжегал вокруг избы и, выскочив на середину улицы, с ходу всё понял: безрадостные ценители древности, верно, дождавшись, когда в деревне уж точно поснут, и явно покусанные до необходимых вздутостей полчищами гнуса, и не мечтали о какой-то мести, а просто спасались — катом спровадили свою машину с горушки, а дальше, до дороги, видать, из благоразумных соображений, дотолкали руками, — и только их видели. А что это тогда уркнуло — может, всё-таки вернуться решили? У этих отморозков ума хватит. И Витька, энергично растирая ладошку о ладошку, стал торопливо разогревать руки: он решил встретить это уркающее подалее от деревни, по дороге к центральной усадьбе, и всё будет как надо. Но не добежал он каких-то двух метров до брошенного указателя с названием деревни, как опять уркнуло, уже явственно. Может, гром? А что: дышать уж нечем, столько времени палит напропалую. Но нет, со стороны центральной усадьбы, коробчато подпрыгивая, бойко бежала милицейская машина.

Витька-офицер медленно поднял руку. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги в высоких шнурованных ботинках, — спокойный, уверенный, надёжный.

— Э, мужик! — высунулась из окна тормознувшей машины рыжеволосая голова водителя. — Дело пытаешь али от дела лытаешь?

Витька не стал объясняться с красноречивым водителем, даже не взгля-

нул в его сторону. Переговорил он, да и то вполголоса, с вышедшим на волю капитаном, в чём-то неуловимо напоминающим самого Витьку. Тот слушал, покачивая головой, раз даже не веряще сдохотнул, но после они перекурили и за ручку попрощались; машина, развернувшись, лихо укатила в обратном направлении.

Оставшись один, Витька раздумчиво постукал носком ботинка по крепкой земле — напротив, едва не на обочине, вверх тормашками валялся указатель с названием деревни. Витька-офицер, расправив плечи, с удовольствием, до хруста потянулся и, зевая скорее по привычке, наскоро поставил этот указатель с надписью “ТАЛАНИХА. 0,5 км” — приткнул с краю дороги на прежнее место. Даже для того же порядка обтер ещё своей широченной ладонкой от старой сохшейся грязи и само название — слово, как известно издревле, всегда означающее счастье, удачу. А ведь год уже как здесь бывает и как будто впервые название-то услышал, из головы начисто вылетело. Да, честно говоря, когда жильё покупал, мало и интересовало, не спрашивал. Брал по знакомству, со слов: от большой дороги первая деревня — и, как у Христа за пазухой, живи...

А между тем было начало такого в птичьём посвисте утра, когда человеку невольно кажется — кто бы ещё это видел, — что именно от этих маленьких деревянных домиков с крохотными баньками в густой зелёной траве да синего озера-блюдечка, овейных теперь волшебным небесно-золотым светом, и начиналась когда-то сама земная жизнь.